

Несмотря на то что их мысли были разными, все поспешно направились в зал Шоу'Ань. Особенно восторженной и активной была госпожа Ван, которая шла впереди всех, за ней следовал её хороший зять, господин Шен Хун.

Когда пожилая госпожа Шен проснулась, она была так слаба, что едва могла сказать несколько слов. Старшая служанка Фан боялась, что она не выдержит, поэтому не сказала ей, что с ней случилось на самом деле. Она сказала, что родственники специально прибыли, чтобы навестить её, и она изо всех сил постаралась сесть, чтобы поблагодарить их.

Дядюшка Ван чувствовал себя виноватым, и у него не было лица, чтобы принять благодарность старушки. Он отступил на несколько шагов назад и встал позади. Тётушка Ван поддержала госпожу Ван, чтобы она смогла встать у кровати, в её глазах читалась лёгкая насмешка.

Её свекровь взяла пожилую госпожу Шен за руку и, делая вид, что заботится о ней, сказала много слов с большой осторожностью. Если бы не заблаговременное предупреждение императорского врача Линь, она бы заступалась за свою дочь перед безмолвной кроватью.

Выступление Шен Хуна было не слишком большим. Он бил себя в грудь и горько плакал. Он выглядел как послушный сын, готовый войти в десятку лучших почтительных сыновей столицы. Самообладание дядюшки Вана было недостаточным, поэтому он стоял рядом с ним с лицом, полным стыда, склонив голову, и не мог перестать вытирать слёзы.

Пожилая госпожа Шен сумела с достоинством ответить на эти приветствия, не заботясь о том, правду слышит или ложь, а затем увидела Минлань и Чанбая. Увидев их, она была по-настоящему счастлива.

— Я знаю... Ты в должности... Отлично служишь... хорошо... бабушка счастлива... — она посмотрела на своего загорелого и крепкого старшего внука, её глаза были полны гордости, а затем увидела Минлань, которая стояла рядом, тихо плача у её кровати, и с трудом произнесла:

— ...Глупый ребёнок... Я старею... Это неизбежно...

Казалось, у Минлань в горле застрял камень, она не могла сдержать слёзы, но изо всех сил старалась изобразить улыбку.

Только что пришедшей в себя после тяжёлой болезни пожилой женщине не хватило сил и она, не сказав ни слова, снова погрузилась в тяжёлый сон. Однако императорский лекарь Линь сказал, что если она продолжит просыпаться, то сможет принимать лекарства и есть. Если

хорошо заботиться об этом, возможно, она ещё сможет выздороветь.

— На этот раз старейшина моей семьи может поправиться благодаря самоотверженности императорского лекаря, — поклонившись, с улыбкой поблагодарил его Гу Тинье. — Я сохраню это в своем сердце. Я также надеюсь, что имперский лекарь будет проводить здесь много времени в будущем и поможет ей выздороветь.

— Гу Хоу слишком вежлив, — императорский лекарь Линь поклонился в ответ. — Я сделаю всё, чтобы она смогла оправиться.

Это было то, что он ожидал услышать, а затем сказал, что уже давно не был дома, и ему необходимо вернуться, чтобы немного отдохнуть и поискать медицинские трактаты, а затем приготовить необходимые рецепты и травы.

Это дело было разрешено, Шен Хун лично проводил императорского лекаря Линя с большой признательностью, а также попросил слугу почтительно поднести ему шкатулку с серебром.

Императорский лекарь Линь был достаточно стар и, видя, как ведёт себя Шен Хун, но не решается ничего говорить, он легко понял скрытый смысл. «Ничего не говорить». На самом деле, он уже сталкивался с подобным тридцать лет назад, когда все возможные наследники поместья Чун ванна боролись за место наследника. По этому поводу была действительно большая суеда с ядами, интригами и подставами. Это был случай, с которым он больше никогда не сталкивался!

Не выдав ни малейшего намёка на то, что понял, и, улыбнувшись, погладил бороду.

— Не лишним будет сказать, что старики как маленькие дети. Чем человек становится старше, тем тяжелее ему контролировать свои желания, как маленькому ребёнку. Вы должны контролировать то, что она ест в будущем. Если она хочет чего-то сладкого, сырого или острого, она должна есть этого как можно меньше. Чем человек старше, тем слабее его тело.

Услышав это, Шен Хун был вне себя от радости и снова и снова благодарил его. Секрет был в том, что эти слова демонстрировали не только профессионализм лекаря, но и демонстрировали его воспитанность, умение говорить и ориентироваться в ситуации. Он также отлично понял намёк.

Проводив императорского лекаря Линя, Шен Хун почувствовал облегчение, и спокойно вернулся в зал. Подходя, он услышал, как госпожа Ван с тревогой произнесла:

—...поскольку пожилая госпожа Шен выздоровела, почему вы должны удерживать вашу тётю и не желаете отпускать её? Почему нельзя отправить её к монахам, чтобы она молилась Будде?! Твоя бабушка умоляет тебя, а ты говоришь о Шеньцзе?! Разве это место для людей?! Ты хочешь послать туда свою тётю, чтобы не убивать её?!

Шен Хун был потрясён и сразу же передумал заходить внутрь.

Департамент Шеньцзе изначально относился к дворцу и использовался только для наказания родственниц правящей семьи. Позже их полномочия были расширены. Те женщины из богатых и влиятельных семей, которые совершили большие ошибки, и не будут казнены за свои преступления, но которым уже нельзя было позволить представать перед людьми, отправлялись туда. Департамент Шеньцзе отличался от обычного женского монастыря, куда часто ссылали провинившихся женщин. Однажды войдя туда, невозможно было оттуда выйти до самой смерти. Отпустить оттуда могли только по приказу императора.

Это была словно гробница, где жили живые мертвецы, расположенная в очень отдалённом и заброшенном уголке императорского города. Сколько бы скандалов и бурь не случалось снаружи, люди, вошедшие туда, будут словно погребены заживо, обречённые жить тихо и невидимо. Никаких дальнейших расследований их дел не будет.

Из-за секретности Шен Хун пока слышал только о двух случаях. Во-первых, когда император Женьцзун выбирал себе новую наложницу, и младшая дочь Цзиньсян хоу была выбрана вместо старшей. Она тайно попросила кого-то нанести ей прямой удар, хотя та уже была допущена во дворец. Рана, обезобразившая лицо, была ужасной. За это старшую сестру сослали туда. Во-вторых, был случай, когда император уже сидел на троне, и пожилая госпожа Чэн бо лично отправила туда двух своих невесток, однако конкретная причина была неизвестна.

До сих пор он не слышал ни о какой женщине, которая бы вышла оттуда живой. Большинство женщин были извлечены оттуда уже в гробах для захоронения после своей смерти. Это звучало нехорошо. Проще говоря, чтобы отправить туда тётушку Кан, недостаточно будет прошения трёх семей — поместью Нинъюань хоу придётся выйти вперёд, чтобы сделать это.

Как только он отвлёкся, в комнате снова заговорили, и Шен Хун поспешно наострил уши, прислушиваясь.

— ...Хороший мальчик, твоя бабушка умоляет тебя, умоляет тебя... Я знаю, что ты сильно ненавидишь свою тётю, но почему бы мне не отправить её в женский монастырь, чтобы почитать буддистские сутры?.. Я попрошу её остричь волосы, она станет монахиней, я не позволю ей выходить и вредить другим... — госпожа Ван расплакалась и продолжала умолять. — Если она попадёт в департамент Шеньцзе, она действительно никогда не сможет уйти!.. Им приходится выполнять тяжёлую работу, толочь рис, стирать одежду, рубить дрова, есть грубую и кислую еду!.. Всю жизнь твою тётушку баловали, как же она сможет вынести это... как сможет пережить...

— Родственники могут посещать Шеньцзе дважды в год, бабушка сможет навещать её, а те, кто захочет приехать в монастыри, не будут смущены из-за моей тёти, — ответил Чанбай. — Что касается каторжных работ... Совершив то, что Небеса не могут терпеть, неужели моя тетя всё ещё хочет спокойно наслаждаться почестями и богатством? — он сделал небольшую паузу и усмехнулся. — После совершённого вы всё ещё говорите о женском монастыре? Помните, семьи или восемь лет назад мою тётю отправили в храм предков семьи Кан? Тогда бабушка лично пошла в поместье Кан, чтобы простить смирлостивиться над ней. И добила того, чтобы

дочь отпустили.

Способность тётушки Кан выходить из ситуаций с помощью своей старой матери была первоклассной, она всегда могла сказать, что её мать просто слишком мягкосердечна. Однако она не сможет вызвать сочувствие со стороны департамента Шеньцзе.

— Вы такие жестокие! — сердито произнесла госпожа Ван. — Разве ваша бабушка умерла? Почему вы должны быть такими агрессивными?

— Моей бабушки повезло, но её жизнь уже не будет прежней, — спокойно ответил Чанбай. — У Небес есть глаза, и Будда благословил её. Императорский лекарь Линь позаботился о ней. Какое это имеет отношение к моей тёте? Моя тётя полна решимости убивать людей!

— Но она выжила! — боролась госпожа Ван.

— Слова пожилой госпожи ужасны, у людей есть сотня способов прожить жизнь, — вмешался Гу Тинье. — Моя бабушка была крепкой и здоровой. После того, как её отравили, она сломалась, её здоровье подкошено. Она могла дожить до ста восемнадцати, а теперь сможет дожить лишь до ста восьми. Раньше она могла слушать оперы, смотреть на танцы, лазить по горам и ходить в храмы, и проводить старость с улыбкой, но теперь не сможет жить без лекарств, и болезни будут сопровождать её до конца жизни. Это потерянный срок жизни. Десятилетия радости. Позвольте спросить, пожилая госпожа Ван, чем тётушка Кан должна заплатить за это?

— То, что сказал мой зять, верно. Как бабушка сможет баловать своего внука в будущем? — Чанбай выглядел озлобленным, его вид был полон ненависти.

— Точно, — Гу Тинье хлопнул в ладоши и улыбнулся. — Я не знаю, сколько она должна заплатить вперёд, однако бабушка не может двигаться, так что это нехорошо. Просто перебьём руки и ноги тётушки, а затем отправим её в департамент Шеньцзе. Жалобы трёх семей также будут записаны!

Госпожа Ван была ошеломлена — и где только семья Шен нашла такого чудесного зятя?!

Минлань уставилась на профиль своего мужа, уголки её рта дёрнулись.

— Кузен так ловко обращается с моей матерью, — Кан Цзинь, который почти всё время молчал, внезапно произнёс с горем и гневом на лице. — А что насчёт вины твоей?!

Госпожа Ван хотела задать тот же вопрос, но её младшая дочь уже была обижена на неё, поэтому она не осмеливалась спросить это. Услышав слова внука, она обрадовалась и посмотрела на Кан Цзиня.

— Моя мать проявила неуважение к своей свекрови, она непослушна и непочтительна, поэтому она должна быть наказана, — спокойно ответил Чанбай. Моя мать будет поклоняться Будде и читать сутры, чтобы молиться за мою бабушку.

Ван Ши вздохнула с облегчением и улыбнулась.

— Точно, я планирую построить буддистский храм в своём дворе...

— Не дома, — быстро добавил Чанбай.

— Да, я виновата, я должна найти чистый женский монастырь в столице, — пробормотала Ван Ши, ошеломлённая и смущённая.

— Не в столице, — Чанбай посмотрел на свою мать и твёрдо продолжил. — Моя мать возвращается в Йоуян, чтобы практиковаться в семейном храме семьи Шен: поститься, повторять слова Будды и каяться. За исключением Нового года, маме не разрешается покидать храм.

— Разве это не заключение?! — выпрямившись, закричала Ван Ши.

— Если моя мать откажется, я уйду в отставку, — ответил Чанбай, медленно и чётко произнеся каждое слово. — Если моя мать такая и не знает, как раскаяться за совершённую ошибку, и отказывается принять наказание, я никогда не смогу продолжать служить чиновником из-за стыда.

Минлань задумчиво опустила голову.

Ван Ши никогда не любила Йоуян, хотя несколько десятилетий была замужем в семье Шен. Она провела меньше месяца в их родном городе. Там у неё не было ни родственников, ни друзей, она могла рассчитывать только на семью старшего Шен Вей. Ввиду отношений Ван Ши с ними, его жена будет к ней сурова и точно проследит за тем, как она будет каяться. Однако, поскольку Шен Вей и Шен Хун дружны, она точно не станет пренебрегать ежедневными потребностями Ван Ши.

Наказание старшего брата было очень хорошим.

— Дитя, кому ты угрожаешь! Я не могу сидеть дома, не могу ли я поклоняться Будде в женском монастыре?.. — торопливо произнесла встревоженная Ван Ши. — Почему я должна вернуться в город, где я никого не знаю?..

— Моя мать вышла в семью Шен и провинилась перед предками семьи Шен. Подумайте хорошенько, подумайте о бабушке и о всех членах семьи, подумайте о том, что пошло не так за последнее десятилетие, и вы поймёте, прав я или нет, — Чанбай подошёл, нежно погладил

мать по руке и сел рядом. — Матушка, вы знаете своего сына. Ваш сын всегда делает то, что говорит.

— Тогда... Тогда сколько мне... — пробормотала Ван Ши, обливаясь потом, она была в панике.

Минлань сжала пальцы в рукавах — соучастие в убийстве не было засчитано, но было установлено умышленное нанесение вреда чужому телу. Хотя императорский лекарь Линь сказала, что бабушка, вероятно, почти полностью выздоровеет, засчитывается полпопытки, так что это, как минимум, хотя бы пять лет тюрьмы...

— Десять лет, — легко сказал Чанбай. — Десять лет спустя, если моя мать поймёт свои ошибки, она вернётся, чтобы служить бабушке.

Минлань глубоко вздохнула и стиснула зубы — изредка она сможет выходить, чтобы встретить новый год.

Ван Ши вскочила и сердито указала на своего сына.

— Ты, ты злое препятствие! — отругала она и выбежала из дома, закрыв лицо руками. Всю дорогу она рыдала и даже не заметила Шен Хуна, стоящего у двери.

В комнате стало тихо, госпожа Ван посмотрела на Чанбая, лишившись дара речи. Кан Цюань не смог произнести ни звука.

Шен Хун некоторое время прислушивался, продолжая стоять снаружи. Бабушка и внук продолжили спорить, госпожа Ван умоляла и ругалась, ругалась и умоляла, но его сын не двигался и не уступал ни на полшага. Шен Хун подумал об этом некоторое время и решил, чтобы было бы разумнее обойти переднюю и пройти в заднюю комнату, чтобы сидеть перед кроватью его больной матери и проявлять сыновнее почтение, поднося ей миску супа и пробуя лекарства.

В конце концов, госпожа Ван разозлилась и, хлопнув рукавами, ушла. Дядя Ван спросил, можно ли увести тётушку Кан, которую продолжали держать в одном из дворов, но Чанбай категорически отказался, поэтому ему пришлось забрать с собой только своего племянника, Кан Цзиня.

Минлань всё ещё волновалась и хотела убедиться, что бабушка сможет сесть перед уходом. Гу Тинье увидел, что она не хочет идти домой, поэтому он спросил у своего тестя, могут ли они вдвоём пожить в поместье Шен ещё несколько дней.

Во рту у Шен Хуна было горько, перед зятем ему придётся ещё несколько дней притворяться послушным сыном, но он изо всех сил старался выглядеть радушно, соглашаясь на эту просьбу.

В это время Хай Ши пришла, чтобы позвать всех на обед, с добродетельным видом, будто ничего не произошло, словно младшая сестра с мужем просто приехала ненадолго, чтобы пожить в доме своих родителей, а она, как старшая сестра заботливо приготовила вкусную еду.

Столкнувшись сначала с непослушной дочерью, затем с опасным зятем, и своим суровым сыном, а теперь ещё и с невесткой, которая притворялась глупой, Шен Хун чувствовал, как его лицо парализовало. У него болело и горло, и желудок после всех этих событий.

В зале Шоу'Ань было много свободных комнат. В соответствии со старыми предпочтениями Минлань, старшая служанка Фан быстро организовала всё и прибрала для неё чистую элегантную комнату. Она вспомнила, что Минлань имела привычку дремать днём, поэтому даже нашла коврик из белой травы, который ей очень нравился. Поскольку лето было жарким, она побоялась, что Минлань и её муж будут чувствовать себя некомфортно, поэтому приказала принести в боковую комнату два больших ведра с водой.

Они оба очень устали, поэтому отправились мыться. После Гу Тинье зашёл в комнату и, встав посередине, несколько раз огляделся.

— Здесь действительно комфортно, — улыбнулся он. — Я не знаю, захочу ли уходить. Сможет ли наш сын вспомнить нас?

— Не смей меня, — с улыбкой пожурела Минлань, она легла на кровать, расстелив тонкое одеяло и бросив туда подушку. — Я тоже скучаю по Туаню, я уже несколько дней сплю в доме моей бабушки, но всё время думаю о своём сыне!

Гу Тинье был очень рад, услышав это, и забрался на кровать, держа ещё одну бамбуковую подушку. Минлань развязала его волосы и прошептала:

— На этот раз мне действительно жаль, сынок. Ах, я действительно почти ничего не могу сделать, я могу только иногда присматривать за ним. Старшая служанка Цхуй и Цхуйсю, определённо, позаботятся о нём.

Гу Тинье услышал кислые слова своей жены и нежно погладил её по спине.

— На этот раз ты действительно напугала меня. Видя, насколько ты честна и нежна, я действительно не ожидал, что ты будешь так рисковать. Тебя как будто подменили.

Прочитав письмо Гунсунь Байши, он едва поверил своим глазам. Окружила родительский дом, ругалась со своим родным отцом, насильно арестовала людей, обманывала людей, допрашивала, пытала людей и готова была стоять насмерть, не считаясь со своей жизнью и репутацией. Это всё ещё та умная и хитрая Шен Минлань, которая в первую очередь заботится о себе и никогда не делает ничего плохого?

Направляясь сюда, он был счастлив и печален одновременно, и не мог сказать, что было у него на сердце, но чувствовал, что хочет помочь и защитить её.

Увидев, что Минлань склонила голову и ничего не говорит, Гу Тинье слегка вздохнул.

— Если ты не хочешь мне говорить, забудь об этом... — сказал он.

Когда он уже собирался лечь и заснуть, Минлань внезапно положила руку ему на груди и посмотрела на него.

— Я расскажу.

Гу Тинье сел на кровати, скрестив ноги.

— Нынешняя беда, на самом деле, случилась с бабушкой по моей вине, — торжественно произнесла Минлань. — Главная госпожа всё время делала что-то не так, постоянно. Бабушка открывала и закрывала глаза на её проступки десятилетиями, они жили в мире друг с другом. Тетя Кан редко приходила только в последние два года. Переехав в столицу, она часто приходила поговорить с главной госпожой. В это время я ругалась с ней и провоцировала её, но не подумала, что она может напасть на бабушку.

Снаружи хрипло стрекотали цикады, жаркий полуденный свет медленно проникал внутрь. Вокруг зала Шоу'Ань было посажено много высоких деревьев, раскинувших густые ветви, их силуэты проглядывались сквозь белые ширмы-окна.

В углу комнаты стояло два ведра со льдом, которые источали влагу и прохладу.

Гу Тинье молча слушал.

— Бабушка никогда не говорила мне, но я знаю, что это тётушка Кан хотела отправить наложницу в наш дом в том году, и это очень разозлило бабушку. Она была так зла, что долгое время не обращала внимания на репутацию главной госпожи. Она выходила из себя, ругала её прилюдно, и даже заставила стоять на коленях перед залом Шоу'Ань, чтобы все люди видели. С тех пор в сердце главной госпожи возникла обида.

Прохладный ветерок медленно проникал в комнату, щекотал её волосы.

— После того случая бабушка всегда беспокоилась, что главная госпожа причинит мне вред, если тётя продолжит с ней общаться, поэтому она лишила её возможности управлять домом, и передала это право невестке. Главная госпожа, естественно, разозлилась. Обида в её сердце становилась всё глубже и глубже, что и дало тётушке Кан возможность, и она воспользовалась этим, — тон Минлань был равнодушным, но в нём слышалась грусть. — Бабушка делала это, потому что была зла, но это нехорошо. У главной госпожи уже есть невестки и внуки, она

должна была оставить ей немного достоинства. Бабушка может закрыть дверь, подробно объяснить и хорошо обучить её... В прошлом, когда главная госпожа совершала глупости, именно так и поступала моя бабушка.

Её глаза наполнились слезами, но она, казалось, этого не замечала, и продолжила медленно рассказывать, обмахиваясь веером.

— Почему моя бабушка отыгрывается за меня? Я уже замужем, я могу позаботиться о себе. Она в таком преклонном возрасте, её уважают дети и внуки, она должна наслаждаться счастьем и жить в безопасности и комфорте, не так ли? Почему она злиться, когда слышит, что меня обидели? Ведь старший брат был рождён главной госпожой, так почему она не боится, что он обидится на неё и поссорится с ней из-за своей матери?

Слёзы покатались из её глаз, капая на мягкое хлопчатобумажное одеяло, Минлань прижала платок к щекам, стирая их.

— Моя бабушка очень любит меня и переживает за меня, поэтому и оказалась в такой ситуации... В тот год, когда я родила Туаня, пожилая госпожа Цинь собиралась сжечь меня заживо, Маньнян собиралась убить меня, а затем пришёл хоу, и всё разрешилось должным образом, я всегда знала это... я знаю, о чём думает хоу, но я не могу лгать себе...

— Потому что... Я сильно наказал Маньнян? — в горле Гу Тинье пересохло, ему было трудно произнести это предложение.

— Тяжёлое ли это наказание, это вообще не имеет значения, — Минлань медленно покачала головой, её глаза были красными. — Затем хоу сказал, что его вообще не волнует Ци Хен, а только то, что я думаю в своём сердце. Я отвечу сегодня. Хоу говорит о том, что случилось с Маньнян — я совсем не приняла это близко к сердцу. Всё, что меня волнует, это то, что хоу сделал и что думает об этом.

Минлань отложила веер и аккуратно потёрла на нём рисунок банановых листьев.

— Семья Ю, Маньнян... Честно говоря, действия хоу были очень уместными, ты не только пресекал сплетни посторонних, но и не позволял тем, кто заинтересован, воспользоваться возможностью и создать проблемы, и не хотел смущать меня. Но, знаешь ли, если постоянно о ком-то думать, то ошибёшься, поступив поспешно, и так называемая забота будет неряшливой... Как у бабушки... — она подняла голову и посмотрела на него своими большими влажными глазами. — Когда я услышала, что Маньнян собирается убить меня, запаниковал ли хоу? Запаниковал ли хоу, даже зная, что я уже нахожусь в безопасности, был ли он всё ещё в ярости и хотел бы оказаться на моём месте? Или отомстить?

Гу Тинье в растерянности молчал.

Минлань расплакалась, закрыв лицо рукавами, и грустно сказала:

— Я знаю, этого не следует говорить но... Я всегда чувствовала, что мне действительно нравится видеть не то, сколько умных вещей хоу сделал, а то, сколько глупостей он совершил...

Гу Тинье не Ци Хен, Хэ Хунвень или какой-либо другой легкомысленный невежественный юноша. Он пережил обман, предательство и практически изгнание. Из-за этого его «забота — это хаос» было ещё более ценно.

Как и пожилая госпожа семьи Шен, она была несчастна полжизни, с ней плохо обращались, но она всё ещё готова была холить и лелеять ребёнка, совершенно не связанного с ней кровным родством.

Минлань опустила рукава, её лицо было залито слезами, а в глазах была мольба.

— Мы состаримся вместе, будем уважать и любить друг друга всю оставшуюся жизнь. Я обязательно буду хорошей женой, хорошей матерью... Давайте жить так.

Сказав это, Минлань легла на бок, закрыла глаза и замолчала.

Гу Тинье сидел, прислонившись к изголовью кровати, и ошеломлённо смотрел на неё, свернувшуюся калачиком и тихо уткнувшуюся в тонкое одеяло.

Внезапно он вспомнил фразу, которую она сказала давным-давно. Светская пара, слишком запутавшись в своих отношениях, легко ранит друг друга. Спокойная и размеренная жизнь лучшая.

Он взял круглый веер и осторожно взмахнул им для неё.

<http://tl.rulate.ru/book/5280/1876467>